

которые великий князь обозначал особыми значками, остались в некоторых местах не расшифрованными. Однако это не снижает ценности данной публикации, в которой исследователи эпохи Великих реформ давно уже нуждались. Любопытна она будет и для широкого круга читателей, интересующихся историей Российской империи и либеральными реформами Александра II.

Примечания

¹ Фрагменты дневника вел. кн. Константина Николаевича за 1858–1859 гг. см.: Вопросы истории. 1990. № 5, 8, 12. Записи 1858–1861 гг. см.: 1857–1861: Переписка императора Александра II с великим князем Константином

Николаевичем. Дневник великого князя Константина Николаевича / Сост. Л.Г. Захарова и Л.И. Гютюнник. М., 1994. С. 137–357. См. также: Из дневника в.к. Константина Николаевича // Красный Архив. 1925. Т. 3(10). С. 218–245.

² См.: ГА РФ, ф. 722, оп. 1, д. 1154, 1155.

³ Из записок адмирала Д.С. Арсеньева (1862–1865) // Русская старина. 1910. № 11. С. 411.

⁴ РГВИА, ф. 484, оп. 1, 1859–1868, д. 100, л. 2–2 об.

⁵ 1857–1861: Переписка императора Александра II с великим князем Константином Николаевичем. Дневник великого князя Константина Николаевича.

⁶ Там же. С. 216–221.

⁷ Там же. С. 287–295.

⁸ Там же. С. 355–357.

Анна Иванова

Молодые годы Михаила Каткова*

Anna Ivanova

(Russian Technological University (MIREA), Moscow)

Young years of Mikhail Katkov

DOI: 10.31857/S086956870009266-3

Рецензируемая монография доктора исторических наук, профессора А.В. Лубкова посвящена одному из наиболее известных представителей русского консерватизма пореформенного времени — Михаилу Никифоровичу Каткову (1818–1887). Если зрелый период его жизни и творчества и, в частности, деятельность на посту редактора «Русского вестника» и «Московских ведомостей» освещены в историографии сравнительно полно, то годы, когда происходило формирование его мировоззрения и жизненных принципов, исследо-

ваны явно недостаточно. Основные вехи и эпизоды биографии Каткова 1818–1856 гг. подробно изложены С.М. Саньковой¹, но их контекст и взаимосвязь ещё нуждаются в осмыслении. Автор восполняет этот пробел, опираясь на материалы из фондов ГА РФ (ф. 1718) и Отдела рукописей РГБ (ф. 120), опубликованные документы, литературные и публицистические произведения самого Каткова и его современников, мемуары Т.П. Пасек, И.И. Панаева, К.С. Аксакова, Ф.И. Буслаева, А.И. Герцена, Б.Н. Чичерина и др.

* Лубков А.В. Михаил Катков: молодые годы. М.: МПГУ, 2018. 256 с.

Книга состоит из вступления, шести глав и заключения. Две первые главы охватывают детские и школьные годы жизни Каткова — с 1818 по 1834 г. В них говорится о происхождении его семьи, её родственных связях и круге общения, уточняется дата рождения Михаила Никифоровича — 1 ноября 1818 г. (а не 6 ноября 1817 г. или 1 февраля 1818 г., как иногда указывалось ранее). По мнению Лубкова, ранняя потеря отца, материальные затруднения, частая смена места жительства, отсутствие постоянных друзей-сверстников, общение в основном с матерью и её взрослыми родственниками (кн. А.Б. Мещерская, кн. М.А. Хованская, кн. П.И. Шаликов) сформировали у Каткова уважительное отношение к старшим, к устоявшимся в обществе правилам и нормам. С детских лет у него вырабатывались сосредоточенность, внимательность, «внутренняя углублённость, граничащая с отрешённостью». Всё это позволило ему в зрелом возрасте на протяжении многих лет умело распределять своё время и успешно совмещать редакторство в крупном литературно-политическом журнале и ежедневной газете (с. 20—21). Обучение в Преображенском сиротском училище, а затем в Первой московской гимназии, где царили довольно суровые порядки и нравы, закалили его характер, который приобрёл твёрдость и независимость, но одновременно и закрытость, замкнутость, необщительность. Лишь после поступления на казённый счёт в частный пансион профессора Московского университета М.Г. Павлова в 1832 г. у подростка появились первые настоящие друзья, хотя, судя по многочисленным свидетельствам современников, основным его увлечением по-прежнему оставалось чтение книг (с. 64—65). При этом Лубков

не ограничивается описанием учёбы и становления личности Каткова, но периодически дополняет свой рассказ небольшими краеведческими экскурсами или проводит параллели со схожими обстоятельствами в биографиях И.С. Тургенева, М.Ю. Лермонтова, А.И. Герцена и др. Всё это, безусловно, помогает читателю лучше почувствовать колорит эпохи.

В последующих главах рассказывается об обучении в Московском университете в 1834—1838 гг., участии в кружке Н.В. Станкевича, увлечении гегельянством, сложных взаимоотношениях с В.Г. Белинским и М.А. Бакуниным, о встречах с Лермонтовым и отзывах на его произведения, о первых литературных опытах в «Московском наблюдателе» и «Отечественных записках», о стажировке в Берлинском университете и знакомстве с философией Ф.В.Й. Шеллинга, подготовке магистерской диссертации «Об элементах и формах славянорусского языка» в 1845 г., преподавании философии в Московском университете и назначении на должность редактора «Московских ведомостей» в 1851 г. Повествование доводится до 1856 г., когда Катков получил разрешение на издание «Русского вестника».

Весьма интересна авторская трактовка взаимоотношений попечителя Московского учебного округа гр. С.Г. Строганова с министром народного просвещения гр. С.С. Уваровым, причин закрытия журнала Н.И. Надеждина «Телескоп» (с. 113—114), а также влияния П.Я. Чаадаева на мировоззрение Каткова. Лубков пишет о «связи и даже преемственности между Чаадаевым и Катковым» (с. 118—119), выражавшейся в попытках сформулировать некую имперскую идею, способную стать стержнем национального самосознания, в констатации обособленности от западной

цивилизации, в великодержавном патриотизме (ощущаемом, к примеру, в реакции Чаадаева на стихотворение Пушкина «Клеветникам России»), в представлениях о сакральной и провиденциалистской природе царской власти в России (с. 120). Впрочем, во взглядах Чаадаева и Каткова было гораздо больше различий, чем сходства. Сближало их в основном признание того, что «Россия — не Запад». Однако Катков никогда не испытывал симпатий к католицизму, свойственных Чаадаеву. Единство вселенской Церкви виделось ему только на основе православия (с. 121). По-разному оценивали они и место России во всемирно-историческом процессе. И если в 1839 г. в «Песнях русского народа» Катков действительно почти открыто цитировал Чаадаева (с. 117), то в дальнейшем в его публицистике будут преобладать не критические, а охранительные и даже апологетические нотки.

Дискуссионным кажется и утверждение автора, будто «сути своих взглядов Катков не менял» (с. 237), неизменно оставаясь приверженцем идеи Личности и видя в Человеке творца истории. Правда, если в молодости, под воздействием гегельянства, он считал, что человек имеет цель су-

ществования в самом себе, то позднее он всё чаще указывал на наличие высших принципов и приоритетов, таких как имперский патриотизм, необходимый для внутренней стабильности и величия государства и народа. Конечно, в рассуждениях Каткова прослеживается общая философская и историософская основа, и автор это убедительно доказывает. Однако нельзя отрицать эволюции его общественно-политических воззрений от умеренно-либеральных в молодости к охранительно-консервативным в зрелые годы. Консервативно-либеральный синтез если и происходил, то лишь в собственно философских его убеждениях.

Вместе с тем следует признать, что монография А.В. Лубкова вносит значительный вклад в изучение не только биографии и творческого наследия М.Н. Каткова, но и русской общественной мысли XIX в. в целом. Она написана хорошим литературным языком и будет интересна не только специалистам, но и широкому кругу читателей.

Примечание

¹ Санькова С.М. Михаил Никифорович Катков. В поисках места (1818—1856). М., 2008.